

Виктору Михайловичу Акаткину, бесменному для многих поколений студентов декану филологического факультета Воронежского государственного университета, профессору, доктору филологических наук, члену Союза писателей СССР и России, известному литературоведу и литературному критику, — восемьдесят лет.

Теперь, когда самому за шестьдесят и вокруг десятки твоих учеников, отчетливо понимаешь, насколько важно в молодые годы обрести учителя. Это — подарок судьбы для юной души. Идеально, если такое обретение не ограничивается формально-возрастной категорией или принадлежностью к профессии и увлечениям, а обременено самой жизнью, когда, выражаясь строкой поэта Юрия Кузнецова, «душа прикоснулась к душе». В этом счастливом варианте учитель и ученик с годами не отдаляются, они идут вместе. И ученик понимает, нет, знает: тот, кто тебе близок по духу, по смысловым, эмоциональным, эстетическим ощущениям времен, событий и людей, всегда рядом и всегда готов поддержать, разделить, предостеречь от опрометчивых поступков и скоропалительных суждений.

Таким учителем для меня был и остается В.М. Акаткин.

Поводом для обретения учителя стала, конечно же, моя страстная мальчишеская любовь к поэзии, не только к классической, но и к современной, которая, естественно, привела меня на кафедру русской советской литературы на филфаке ВГУ.

Странно это было или нет для семнадцатилетнего сельского пацана, не могу объективно судить с высоты прожитых лет и из туманных далей нынешнего «айтишного» бытия, но всеядное поглощение всего, что тогда, в 70-е годы прошлого века, печаталось в газетах, журналах, издавалось отдельными сборниками, становилось для меня ежедневной насущной потребностью. К счастью, в те далекие и ругаемые ныне советские годы подписка на газеты и литературные журналы не была роскошью и была доступна для семей любого достатка. Даже мама, несмотря на трагическую смерть моего отца и не очень сытное существование с тремя сыновьями на руках, для своего старшего выписывала новоусманскую районную газету «Путь Ленина», областную «Молодой коммунар» и журнал «Молодая гвардия».

А еще была сельская библиотека с великолепным по разнообразию и богатству фондом художественной литературы.

И был школьный преподаватель русского языка и литературы — Анатолий Петрович Гатицкий, выпускник того самого филологического факультета, на котором мне только предстояло учиться. Буквально с первых месяцев работы в Краснологовской средней школе он стал для меня путеводной звездой во всех смыслах этого слова. Первым из главных учителей жизни и настоящим другом — со дня знакомства и до дня его кончины. Давал читать книги из своей домашней библиотеки. Охотно и с деликатной дотошностью, чтобы не травмировать мальчионочью душу, разбирал строчки моих первых стихов. Если бы не он, я бы точно не учился на филфаке ВГУ. В десятом классе нас, пятерых лучших выпускников, директор школы не просто настойчиво, а волевым порядком выпроваживал поступать в Борисоглебский пединститут. Видимо, надо было выполнять спущенную сверху разнарядку. В эти мучительные для меня дни колебаний и раздумий А.П. Гатицкий уже месяца два как работал в новоусманской районке. И хотя связи мы не теряли, я посылал ему свои школьные заметки, иногда они печатались в газете, все равно мне остро не хватало прямого, глаза в глаза, совета моего наставника. И незадолго до выпускного вечера я срочно поехал в райцентр.

— Да ты что?! — с удивленным возмущением запротестовал Анатолий Петрович. — Никакого пединститута. Только в университет на филфак. Я знаю уровень твоей подготовки, ты обязательно поступишь.

Страшновато было послушаться директора школы, но наставление старшего товарища и молодость оказались сильнее страха. На филологический факультет я действительно поступил сразу, и А.П. Гатицкий при ближайшей встрече радостно хлопал меня по плечу:

— Молоток! Какой же ты молоток, Ваня! Я знал, что ты поступишь...

С каждым восторженно-дружеским хлопком Анатолий Петрович будто подталкивал меня в руки уже других учителей, многие из которых были и его наставниками и кумирами, и он был горд и спокоен за мое будущее, понимая, куда я иду и к кому. Подталкивал вместе с моими корявыми юношескими стишками, с близкими и понятными сердцу именами Пушкина и Лермонтова, Кольцова и Никитина, Блока и Есенина, Твардовского и Симонова, Евтушенко и Вознесенского, Соколова и Рубцова, Жигулина и Прасолова, со всеми воронежскими поэтами, бывшими тогда на слуху: Виктором Панкратовым, Станиславом Никулиным, Олегом Шевченко, Людмилой Бахаревой, Анатолием Ионкиным, Виктором Самойловым...

Мне и сегодня кажется, что в те минуты за стенами тесного редакционного ка-

бинетика в неясных своих очертаниях уже клубилась моя новая жизнь — студенчество, и меня поджидал тот, кто был готов принять со всем моим тощим литературно-поэтическим скарбом и невероятными юношескими мечтами и устремлениями.

И это был Виктор Михайлович Акаткин.

Я не помню сейчас деталей нашего сближения, не помню обстоятельств, из-за которых стало ясно — вот он, мой новый учитель и наставник. Все сложилось естественным образом, без четких обозначений и дат, как будто так было всегда. Случилось это не на первом курсе, а позже, когда в нашей четвертой группе, приписанной к кафедре русской советской литературы, практические занятия и коллоквиумы вел достаточно молодой еще доцент этой кафедры, кандидат филологических наук и страстный поклонник творчества А.Т. Твардовского В.М. Акаткин. Но катализатором сближения поначалу выступил даже не обожаемый ученым Александр

Виктор Михайлович Акаткин

Твардовский, а Юрий Кузнецов, поэт, о котором только-только заговорили и яростно заспорили после выхода из печати в 1976 году его первого московского сборника «Во мне и рядом даль».

Скорее всего, да, это был Кузнецов!

На одном из семинаров Виктор Михайлович, уловив мою тягу к стихам поэта, предложил подготовить доклад по кузнецовскому сборнику для прочтения на научном студенческом кружке. Я охотно взялся исполнять просьбу, не до конца представляя, с какими трудностями придется столкнуться. О стихах Кузнецова тогда было много устных пересудов и почти ничего напечатанного. Исключение составляла одна-единственная разгромная статья Татьяны Глушковой в журнале «Литературное обозрение». Это уже потом, когда вышла вторая столичная книга Юрия Кузнецова «Край света за первым углом», а следом еще и еще, Вадим Кожин поддержал поэта, намекая на его исключительность, уникальный талант и большое будущее.

Кузнецовский «водораздел» незримо пролегал и в кругу преподавателей факультета. В.М. Акаткин видел в творчестве Кузнецова явление нового поэтического мышления. Профессор А.М. Абрамов категорически не разделял восторга своих коллег. Как фронтовик и автор фундаментального исследования «Лирика и эпос Великой Отечественной войны» Анатолий Михайлович с возмущением воспринял поэтические пассажи Юрия Кузнецова на святую для него военную тему:

Шел отец, шел отец, невредим,
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли...
.....

Я пил из черепа отца
За правду на земле...
.....

Мне у могилы не просить участия.

Чего мне ждать?..

Легит за годом год.

— Отец! — кричу. — Ты не принес нам счастья!..

Мать в ужасе мне закрывает рот.

На одной из лекций А.М. Абрамов неожиданно резко перешел на разговор о Кузнецове и об ответственности ученых в выборе предмета литературоведческого исследования.

— В филологии важно четко представлять масштаб личности писателя и его творчества, — сказал он с присущей ему страстностью. — Вот Дмитрий Дмитриевич Благой начал свою научную карьеру сразу с Пушкина.

Анатолий Михайлович наклонил в сторону голову, вскинул правую руку вверх с вонзенным в воображаемое небесное пространство указательным пальцем, повертел им и с язвительной интонацией пропел:

— А у нас кое-кто предпочитает начинать со стихов Кузнецова...

Трудно сказать, имел ли обожаемый многими профессор кого-то конкретно из коллег или это было обобщенное поколенческое неприятие новых веяний в советской поэзии середины 70-х годов XX века, когда на смену «громкой» и «тихой» лирике приходила поэзия метафоры и философской ассоциации, тем не менее, Кузнецов, несомненно, был наиболее ярким ее представителем. Постепенно, отчасти нехотя, но поэт входил в словесный оборот А.М. Абрамова. Однажды на спецкурсе по современной поэзии он неожиданно обратился ко мне, возможно, зная от Виктора Михайловича Акаткина о моем докладе по творчеству поэта, с которым я уже выступал на студенческом кружке:

— Вот вы, Ваня, увлекаетесь Юрием Кузнецовым. А прочтите-ка нам что-нибудь из его стихов...

Я был в замешательстве: сообразить студенту мгновенно, без подготовки, какое стихотворение поэта прочитать самому Абрамову! Несколько секунд на обдумывание — и я декламирую первое, что приходит на ум и что знаю наизусть:

Не сжалится идущий день над нами,
Пройдет, не оставляя ничего:
Ни мысли, раздражающей его,
Ни облаков с огнями и громами.

Не говори, что к дереву и птице
В посмертное ты перейдешь родство.
Не лги себе! — не будет ничего,
Ничто твое уже не повторится.

Когда-нибудь и солнце, затухая,
Мелькнет последней искрой — и навек.
А в сердце... в сердце жалоба глухая,
И человека ищет человек.

Когда же с волнением выдохнул последнюю строчку, в аудитории на мгновение повисла немая тишина. Анатолий Михайлович провел сложенными подковой большим и указательным пальцами по краям губ к подбородку. Он часто так делал, концентрируясь на мысли, которую надо было сформулировать. Наконец задумчиво и все еще с каким-то по-детски упрямым подозрением произнес:

— А знаете, тут что-то есть... — и пустился в свойственные ему пространные рассуждения на литературно-житейские темы.

Имя Юрия Кузнецова все более сближало меня с В.М. Акаткиным. Виктор

Михайлович принимал самое деятельное участие в моей работе по исследованию творчества поэта. После зимних каникул 1977 года он настоятельно рекомендовал мне поехать на научно-студенческую конференцию по литературе в Горьковский государственный университет. Помог с оформлением заявки и был рад, когда, наконец, из города на Волге мне пришел вызов.

Мое выступление в чужом вузе среди массы незнакомых ценителей современной литературы вызвало дискуссию. По докладу критично прошелся некий аспирант. Было явно видно, что стихи Кузнецова ему не по душе. Солидная дама из местных ученых остудила бойцовский пыл молодого коллеги... Разговор все более смещался от конкретного доклада и личности Кузнецова к современной поэзии вообще. Зато, подводя итоги конференции, мой доклад неожиданно похвалил известный литературовед, профессор, доктор филологических наук и заведующий кафедрой русской советской литературы филологического факультета Горьковского госуниверситета Иван Кириллович Кузьмичев и посоветовал мне не оставлять кузнецовскую тему. Я был по-настоящему счастлив!

Горьковский вояж воодушевил моего учителя. После летних каникул и колхозной эпопеи с копкой сахарной свеклы (с ломачами и лопатами по первым ноябрьским заморозкам!) мне было предложено выступить с кузнецовским докладом на студенческой конференции в Тюменском государственном университете в последние дни декабря 1977 года. Беготня по ректорату и бухгалтерии закончилась полным фиаско: в конце финансового года командировку в Сибирь оплатить категорически отказались. Однако Виктор Михайлович продолжал «натаскивать» своего подопечного для будущей научной карьеры. Уже и первые конкретные разговоры пошли о том, чтобы оставить меня в аспирантуре.

На исходе учебы передо мной открывал двери Ленинградский государственный университет с положительным заключением по теме доклада. Исследование потихоньку расширялось и уже не ограничивалось творчеством Юрия Кузнецова, а захватывало, словно бреднем, дюжину-другую известных поэтических имен с акцентом на то, к каким берегам плывет все-таки современная советская поэзия, оставив позади дискуссии о «громкой» и «тихой» лирике. Все это стало основой для дипломной работы.

Но, увы, пошла полоса невезения. Место в аспирантуре улетучилось, на горизонте маячили распределение, двухмесячные военные сборы и женитьба по осени. Как говорится, хлопот полон рот, не до Ленинграда. Несмотря на искушение, я добровольно отказался от командировки в легендарный город на Неве, в который после четвертого курса также не поехал на библиотечную практику из-за стройотряда. Лишь в 2001 году мне представилась возможность наконец-то открыть для себя этот город, но уже с именем Санкт-Петербург.

Распределили меня в терновскую районную газету «Красное знамя». С В.М. Акаткиным договорились, что я буду готовиться к поступлению в аспирантуру.

— Я размышлял над темой диссертации, — сказал он мне. — Есть малоизученное и интересное направление: жанровое движение лирики Твардовского. Исследуйте это явление — от его ранних стихов до лирики последних лет... Тогдашней поэзии свойственны были жанровая полифония, смешение родовых и видовых признаков. Стилистические и языковые границы размывались. И Твардовский этим активно пользовался. Первые его опыты — это стихотворные оперативки на события: зарисовки, репортажи, очерки... Чисто лирические формы требовали человеческого «я». А Твардовский был убежденным сторонником социалистических преобразований. Значит, на переднем плане — «мы», народ. Поэтому его жанровые искания — на стыках поэзии и прозы, лирики и эпоса, в сюжетах, изобразительных элементах, прямой речи, в применении имен, фамилий, прозвищ...

Интересно все это поизучать... А наброски из дипломной работы не выбрасывайте — пригодятся.

Год работы в Терновке пролетел как один день. Затем был переезд в Эртиль — там моей семье предоставляли квартиру. Ночами — читка и конспектирование литературы по А.Т. Твардовскому, наброски по обозначенной теме. И непременно — короткие наезды в Воронеж на встречу с учителем, ставшим моим научным руководителем. Долгие беседы о литературе вообще перемежались конкретными разговорами о диссертации. Виктор Михайлович внимательно знакомился с рукописью первой главы по ранней лирике поэта, вносил правки. В одну из встреч неожиданно завел речь, что хорошо бы мне перебраться на работу в университет: легче готовиться к поступлению в аспирантуру.

Этой идеей я был буквально заряжен: действительно, не сидеть же всю жизнь в районной газете! После новогодних праздников 1982 года Виктор Михайлович вдруг позвонил и воодушевленно сообщил:

— Ваня, есть место преподавателя на подготовительном факультете. Решайтесь...

И я решил!

В марте перебрался с семьей в Воронеж. Стал преподавать русский язык и литературу иностранным студентам на подготовительном факультете ВГУ. Место было временным — кто-то находился в декрете, и меня вскоре перевели на должность лаборанта, что, честно говоря, задело самолюбие. Однако главный удар был нанесен с самой неожиданной стороны: необходимо было менять тему исследования, якобы Твардовского в диссертационных советах по всей стране было слишком много.

— Может, возьмете тему «Человек в поэме 50-х»? — предложил мне выход из ситуации В.М. Акаткин, видя мое разочарование.

— Но это невозможно, — ответил я. — Три года начитывал специальную литературу, конспектировал работы по Твардовскому, почти закончил первую главу, и теперь все заново! А потом тема для меня неинтересная. О каких поэмах в 50-е годы можно вести речь всерьез?!

Жарким июньским днем на проспекте Революции повстречал университетского товарища.

— Напиши что-нибудь по закреплению молодежи для «Молодого коммунара», — предложил он. — Ты же в теме...

Поначалу к предложению отнесся с недоверием. Но на фоне университетских неудач разговор, будто заноза, засел во мне. Вечерами с вдохновением строчил свою публицистику для знаменитой «молодежки». «Всего на два дня» — так называл размышления. Материал признали лучшим по итогам месяца. Неожиданно для себя согласился написать еще один, затем еще... Мое журналистское сердце затосковало по хорошо знакомым газетным будням. Вернулся из отпуска редактор «Молодого коммунара» Виталий Жихарев. Меня представили ему. Ни о чем не спрашивая, он сразу попросил написать заявление о приеме на работу. 12 августа 1982 года я был зачислен в штат редакции.

Так без лишнего драматизма и душевных терзаний я попрощался со своей юношеской мечтой — стать ученым. Три с лишним года работы в районных газетах приучили быть на виду, в гуще событий. На десять с лишним лет я погрузился в пьяняще-сладостную суету одной из лучших «молодежек» Советского Союза, пройдя путь от выпускающего до редактора. А потом были долгие семнадцать лет чиновничьей работы в должности руководителя управления по делам печати и средств массовых коммуникаций. И никогда не прерывал отношений с В.М. Акаткиным. Хоть на минутку, но заглядывал в гости к декану филфака, моему студенческому учителю. Обменивались книгами, рассуждали о политике: 90-е годы

прошлого века были не самыми благоприятными как для литературы, так и для науки. Виктор Михайлович даже соблазнился политикой — стал депутатом Воронежской областной Думы. Но очень быстро разочаровался в полезности этой чуждой его умному и честному сердцу затее.

Иногда в разговорах спорили.

— Поэт должен быть бродягой, иначе хороших стихов не напишешь, — смеялся Виктор Михайлович, будто бы поддразнивал своего ученика-чиновника.

— А как же стихотворцы восемнадцатого, девятнадцатого веков? — не соглашался я. — Они ведь сплошь чиновниками были. Это двадцатый век развратил писателей в Советском Союзе. Литература стала частью государственной идеологии. Можно было не работать, трудовой стаж шел, сто двадцать рублей в месяц платили, квартиры предоставляли. Вот и бродяжничали некоторые от безделья...

Помню, возвращался в один из таких дней к себе на работу, и почему-то думалось о моем современнике Вячеславе Дёгтеве, кто олицетворял собой новую генерацию русских писателей. Интересно, а он кто? Ведь нигде не работает, живет исключительно литературным трудом, на гонорары. Назови бродягой — обидится насмерть. Терпеть не мог избалованных советской властью коллег. «Иждивенцы! — возмущался всегда. — Привыкли на государство надеяться. Для них русский писатель должен быть обязательно пьяным и под забором валяться, да чтоб в бороде капуста... Думают, только они одни патриоты... Я под заборами не валяюсь, хожу в шляпе и кожаном пальто до пят. А докажите, что меньше Родину люблю!»

На дворе тогда стоял трагический 1992 год. Буквально накануне, в декабре минувшего года, случилось непоправимое — в Беловежской Пуще Ельцин, Кравчук и Шушкевич распустили Советский Союз... Человеческие души наполнились тревогой. Мрак безвременья витал над страной, погружая ее в пучину беспросветности: «И между делом — по второму «Вести», / Обрывки фраз о соглашенье трех... / Туда ль ведут?.. И жизнь — как в перекрестье / Прицелов злых или настырных глаз...»

Так вы говорите, поэт — бродяга?

Тогда и весь народ наш — тоже?!..

Нет, нет, не хочу верить, учитель!

В то же мгновенье спонтанно, как протест, как сопротивление себе, другим, окривившему нас мраку и неверию выплескивается «Послание доктору филологии»:

Вы сказали: поэт что бродяга.

Я хотел бы понять: почему?

Пело б сердце — великая тяга

Очага в материнском дому.

Милый доктор, мое вам почтенье!

Нет у слова особых дорог.

Жив поэт, как и встарь, вдохновеньем,

А не дюжиной сбитых сапог.

Неизбывны пути человечьи:

Чьи тверды, чьи шатки, как мосток.

...Голос был Иоанна Предтечи.

Был (к распятью!) иуд шепоток.

Дай-то бог им обувку и песню,

Всем блуждающим с Музой во мгле!

Не делюсь. Даже счастлив, что вместе,

Кто как может, поем на земле.

Только в 1999 году решился опубликовать это стихотворение в сборнике «Чтоб не остаться в мире одному». Правда, без посвящения В.М. Акаткину. Не знаю,

догадывался ли Виктор Михайлович, что строчки адресованы ему, или нет, зато теперь сам признаюсь: да, посвящены учителю!..

Иногда мне кажется, что учитель и ученик — как бы два сообщающихся сосуда. В одном наполнилось — перетекает в другой, из одного убыло — и у другого на толику опустело. Радостное ли, грустное или житейски-банальное, все без разницы. Просто одно не существует без другого. Отнимите у учителя ученика — будущего лишите и надежды, отнимите у ученика учителя — прошлого лишите и мудрости. Не от того ли долго потом не залатывается пустота, если прерывается связующий канал между поколенческими сосудами?

В 2010 году я вознамерился подготовить к печати книгу избранного. Поделился планами с В.М. Акаткиным.

— Давайте напишу вступительную статью, — предложил он, видимо, понимая мою внутреннюю неловкость обращаться с такой просьбой самому.

Сказать, что я был горд, ничего не сказать. Это была сдержанная и честная мужская благодарность своему учителю за его такое же честное слово об ученике в предисловии к книге «Время меняет смысл», которая вышла из печати в 2011 году: «Самый главный вопрос, встающий перед поэтом: кто мы в этой жизни — коренники или пристяжные? «Вчерашнего мира оплот» или балабоны, способные только сдувать пену с пивных кружек? Что с нами стало «в эпоху большого разврата и самых крутых авантюр»?.. На поверхности строк ответа на них нет. Видимо, такого кризиса духа и воли мы никогда не переживали. Одолевать всякие напасти и беды нам не привыкать, но такого нравственного кульбита, как в лихие 90-е, совершать не пришлось. Герой Щёлокова, возвращенный при социализме, отвергает все, во что погрузил нас рынок: культ денег, богатства, грабежи и насилие, бездуховность и продажность, скупка мертвых душ. Ему противно быть затертой картой в шулерской колоде, штопором для вин и коньяков, служкой у сабачек в бриллиантовых тапочках и т.п. ...

Все душевные муки героя — вплоть до крайнего отчаяния — оттого, что слишком многое угрожает... ценностям. А самая большая угроза таится в нас самих...»

Учитель «разгадал» ученика.

Но пробил час, и ученик тоже понял своего учителя.

В сентябре 2015 года меня избрали председателем правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России. Спустя некоторое время В.М. Акаткин обратился ко мне с неожиданной просьбой:

— Ваня, а я могу вернуться в наш Союз?..

— Да! — утвердительно ответил я, хотя не представлял нюансов процедуры перехода члена одного творческого союза в другой, и за консультацией обратился к столичным коллегам.

В 2017 году на собрании писателей я уже вручал новенький членский билет своему учителю.

Кто-то громко выкрикнул в тот момент:

— Виктор Михайлович Акаткин, словно Крым, возвратился в родную гавань.

И раздались дружные аплодисменты.

Действительно, нет у слова особых дорог!

